

Справка «ММ»

Наталья Лопухова (в девичестве – Фокина) родилась 4 марта 1977 года. Училась в магнитогорском лицее по специальности «словесность», посещала занятия литературного объединения под руководством Олега Хандуся. После окончания культурологического отделения филологического факультета Магнитогорского государственного педагогического института работала педагогом в Орджоникидзевском центре детского творчества. Была журналистом на радио Магнитогорской государственной телерадиовещательной компании, в газете «Магнитогорские вести», в пресс-службе городской администрации. Сейчас – корреспондент газеты «Магнитогорский рабочий».

Стихи Лопуховой публиковались в газетах «Магнитогорский металл», журналах «Берег А», «Уральская новь». Автор книги «Ангелы из трамвая» (12+).

Кандидат филологических наук, член Союза российских писателей Татьяна Таянова так писала о стихах Натальи: «Она вся на стороне сказки, игры, чуда, в конечном итоге – всегда на светлой стороне. Её тексты эмоциональные, но тихие, несущие мир-покой, внутренний штиль... Она, как колдунья, привораживает некий параллельный мир, заговаривая читательское сердце шёпотом настроения, которое проще всего охарактеризовать как настроение любить».

Поэзия

«Затем, чтобы жить любовью...»

Наталья Лопухова

***
 Это было весной, в Париже.
 Солнце пивом стекало в бокал.
 Старый клоун
 потрёпанный, рыжий
 Мне зачем-то рукой помахал.

Средь слепых, дам,
 клошаров в запое
 Он – без эха мятущийся крик.
 Медяком вскинул он над толпою
 Свой мучительно-рыжий парик.

Багровели лицом музыканты,
 Пузыри выдувая из труб.
 Боль в глазах пробежит
 на пуантах
 Над улыбкой рисованных губ –

И опять всем смешно. Околдован,
 Застываю в толпе гуляк.
 Помахал мне рукой старый клоун,
 Будто нищему поддал пятак.

***
 Старенькая скрипочка,
 Тоненький смычок.
 Заиграл на скрипочке
 Сельский дурачок.
 Никого на улице.
 Летняя жара.
 Только роют курицы
 Пыль среди двора.
 Всё о горнем холоде
 Музыка звучит,
 И о звёздных сполохах,
 Явленных в ночи.
 Никому не надобны
 Горние миры.
 Крынку бы прохладного
 Квасу да с жары.
 Вьётся дымом ладанным,
 Пляшет твой смычок.
 Никого не радует
 Сельский дурачок.

***
 Надо же, бог пожаловал –
 смертным влюбляться
 в ангелов.
 Милость безумным грешным –
 ангелам влюбляться
 в смертных.

Надо же – мучиться, плакать,
 крылья в огне оплавить.
 Крылья ангелов не унесут,
 ну а пешком – лишь на божий суд.

Смертным – корчиться в ладане,
 взглядом ловить ангелов...

***
 Белый вечер. Тихо в доме.
 Звёзды падают в саду.
 Белый снег в дверном проёме.
 Белый свет, как на иконе.
 Упаду – не упаду?

Тихий вечер. Подоконник.
 Ловят ангелы звезды.
 Кто меня поймает, кроме
 белых клоунов, в поклоне
 задержавшихся в саду?

Белый метр часов, и томный
 шёпот ангелов в саду.
 Тихий свет во тьме утонет.
 Клоуны дерев застонут.
 Слишком ветрено в саду.

***
 Ты сказал мне:
 «Приду».
 Наверное, я придумала
 мошек-звёзд
 вокруг фонаря
 мельтешенье,
 и вокруг моих глаз
 тени,
 кряхтенье часов,
 громкий хохот и стук
 трамвая за три квартала,
 шурианье рук
 и молчанье ресниц
 талых,
 и жужжанье в висках пчёл,
 и шрама-рассвета алость.
 Ты сказал:
 «Я приду»...
 Не пришёл.
 Наверно, мне показалось.

***
 Я приучала к терпению сердце,
 Я заворачивала его в цепи,
 Я не пускала его лететь,
 Куда бы ему летелось.

Я приучала к терпению сердце,
 Я закрывала оконца и дверцы,
 Не позволяла ему хотеть,
 Чего бы ему хотелось.

Я приучала к терпению сердце,
 Всё приучала к смирению,
 к смерти.
 Я приучила его терпеть.
 В ключья оно разлетелось.

Любовь

Леплю из тебя бога –
 руками, губами, языком,
 создаю тебе тело
 по своему образу и подобию,
 мну пластилин плоти,
 липкий от чужих пальцев.

Мне наплевать,
 что завтра
 кто-нибудь
 слепит тебя по-своему,
 нежная моя,
 снежная баба.

***
 Учились жить по-людски.
 Научились многим искусствам –
 Искусству думать впопад,
 Искусству смеяться
 над грустными,
 Искусству об одиночестве
 Говорить, как о пустяке.

***
 Что нам край света?
 было бы – за кем.
 Что нам снега, печали,
 расставанья?
 Была б меж повтореньем
 расставанья
 минута встречи.
 Ну, а что за тем?
 Вокзалы, трассы, километры,
 километры,
 и бег меж улиц разных городов.
 Мы – два листа,
 подхваченные ветром,
 летим на грани осени и лета
 и тщетно ищем
 эту горстку слов,
 с которыми – на свет,
 и на край света –
 лишь было бы – за кем,
 идти готов.

***
 От «А» от твоего
 до моего, конечно, «Я»
 такие расстоянья, что, наверно,
 их не осилит глупый телеграф.
 За точкой и тире
 опавших листьев
 стоит молчанье,
 сквозь которое пробиться
 не смогут ни слова,
 ни тени птиц, навеки улетевших.
 Как эта осень,
 встала между нами
 такая непроглядная страна,
 где сто дорог, и где-то за углом,
 за тысяча десятым поворотом –
 твоё окно,
 но сердце приговорено –
 кем? – к высшей мере,
 которой не измерить расстоянья
 от моего смешного «Я»
 до «А» до твоего.

***
 Трамваи подобны женщинам –
 холодные, большеглазые...
 За ними бегают,
 их берут штурмом
 каждый день,
 утром и вечером,
 А они ещё умудряются
 делать вид,
 будто железны
 И неприступны.

***
 Маленькие корабли –
 фантики, спички,
 семечки клёна
 уплывают по талой воде.
 Ветка.
 Затоп.
 Подгоняю.
 Хлюпают в сапогах.
 Ну, ещё поднажми!
 И вот он уже далеко
 уплывает вниз по ручью,
 в Урал
 и в далёкое море...
 Тётяшка,
 тебе сколько лет?
 Девять.
 Было недавно.
 В позато воскресенье.
 Лет пятнадцать назад.
 Маленькие корабли –
 дни и холодные зимы,
 долгие, долгие годы
 уплывают по талой воде.

***
 Я нарисую слово
 На чистом листе асфальта.
 Пусть, проходя, корова
 Потреплет его за патлы,
 Пусть сумасшедший мальчик,
 Звеня своим велосипедом,
 Увидит, что оно значит,
 И тихо его объедет.
 Пусть леденцы сосущая
 Девочка в платье пёстром,
 Увидит его сущность,
 И спросит свою тётю:
 «Зачем мы живём?» – и тётя,
 Коснувшись рукой асфальта,
 Посмотрит на девочку
 в пёстром,
 Похожем на ветер платье,
 На мальчика с велосипедом,
 На солнце в рогах коровьих,
 И скажет, вздохнувши следом:
 «Затем, чтобы жить
 любовью»...
 Я нарисую слово

На белом листе асфальта.
 Пусть отрастает снова
 Его золотистые патлы.

Мелочи жизни

Еду в трамвае
 на самой нижней ступеньке.
 Сквозь щель трамвайной двери
 наблюдаю мелочи жизни:
 окурки, осколки,
 мешки, сигаретные пачки,
 обёртки
 всевозможной еды человека,
 мелькающие
 и мимолётные.
 Сквозь верхнюю щель двери
 наблюдаю
 мелочи больших размеров:
 киоски, машины, дома...
 Прохожий,
 как будто случайно,
 обронил сигаретную пачку,
 оглянулся:
 никто не увидел?
 Мелочь, а всё же...
 А я
 еду в гремящем трамвае,
 чуть ниже толпы,
 толкающейся, суетливой,
 чуть выше,
 чем мелочи жизни.
 – Следующая, – объявили, –
 «Энгельса».
 Моя.

***
 Часы рассыпались
 На стрелки, пружинки,
 колёсики...
 Лишь теперь я поняла,
 Из какой ерунды
 Состояла моя жизнь.

***
 Ах, я не стану, не стану
 Мужу штопать носки.
 Я же смертельно устану,
 Я же умру с тоски.
 Я – поэт с натурой нежной
 и тонкой,
 А тут – банальной иголкой...
 Ну, нет!
 Мне – при луне
 Обонять аромат сирени,
 А тут – в полусне,
 на кухоньке, портя зреньё...
 Я, от которой ни ноты фальши,
 Умру от такой банальщины.
 Ах, дом, семья –
 Такая обуза...
 Меня, любви соловья,
 Излечи вдохновеньем, муза.

***
 Я обладаю бесполезными дарами:
 любить вино и нравиться
 собакам,
 и долгими пустыми вечерами
 печаль скрывать под тонким
 светлым лаком,

ловить за хвост
 беспечные надежды
 и на запястья их дарить
 друзьям случайным,
 и в чёрный день
 белейшие одежды
 носить, не делая из горя тайны,
 пускать зимой
 по снежным переулкам
 весёлых солнечных
 десятицветных зайцев,
 и выходить ночами на прогулку,
 и болью вышивать
 на тонких пальцах.

Я обладаю бесполезными дарами:
 любить вино и нравиться
 собакам,
 смеяться над собою вечерами
 и прятать боль под счастья
 светлым лаком.

***
 Что сделать мне,
 чтоб растопить снега?
 Апрель уходит –
 ветви лип безлиственны.
 Отбелен путь и заново
 под ноги выстлан,
 И манят чашей месяца рога.

Что сделать мне,
 чтоб стало голубей
 Испачканное небо под ногами,
 Как научить весенней
 звонкой гамме
 Ворон и грязнокрылых голубей?

Как сделать ветер
 в сердце потеплей?..

***
 Играли в добрых людей,
 Старались не заметить плохого,
 Да так и не заметили,
 Сколько зла натворили.

***
 Ловить за ниточку хочется
 Своё одиночество,
 Касаться людей руками,
 А там, где бог ходит в тапочках,
 Сороковаттная лампочка
 За облаками.
 Свесившись с подоконника
 Сижу и смеюсь тихонечко
 Чтобы громко не плакать,
 К черту бы ниточки выпустить
 И улететь вместе с листьями...
 Внутри и снаружи слякоть.

***
 Кошка
 нюхает
 небо.
 Выдыхает, забыв выдыхать.
 Трепещут
 уши,
 усы,
 и кончик хвоста.
 Вытягивается, внимая
 песне,
 неведомой мне.
 Вся превратившись в струну:
 чуть коснешься,
 и –
 музыка ветра
 побежит по рукам.

Подожду
 форточку закрывать,
 пожалуй,
 ещё померзну,
 глядя, как кошка
 нюхает небо.

***
 Раздарилось, растерялось...
 Что осталось?
 Лишь усталость.
 Снега талость,
 Алость щёк.
 Что ещё?
 Остался счёт
 На тепло, что у зимы
 Все одалживали мы.
 Раздарилось, растерялось...
 Что осталось?
 Только жалость
 К малости людской,
 Холод и покой.
 Раздарилось, растерялось...
 Что осталось?
 Что осталось?..